

М.В. Рабжаева

**ГЕНДЕРНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ: КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ И
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА**

Работа посвящена анализу институциональных аспектов и перспектив развития новой дисциплины — гендерной антропологии. Рассматриваются различные факторы, влияющие на становление и концептуальное оформление дисциплины: феминистское движение, институционализация гендерных исследований, развитие медицины и медицинской техники.

В работе рассмотрено понятие андроцентризма и указано, что главная заслуга и задача гендерной антропологии и шире, гендерных исследований, состоит в разработке научного инструментария для анализа и фиксации различий и иерархий бытия женщины и мужчины в современном мире. А это позволяет разработку изменений (!) социальных практик бытия и преодоления андроцентризма современного мира.

Антропология как самостоятельная научная дисциплина достаточно молода: ее изучают всего лишь около ста лет в академических структурах. Строго говоря, антропология — это учение о человеке, а поле антропологии — это своего рода несистематизированная совокупность полуавтономных дисциплин, изучающих человека как социального индивида: физическая антропология, социальная или культурная антропология, философская антропология, антропология возраста, юридическая антропология, политическая, медицинская, экономическая антропология, и, наконец, — гендерная антропология. Все эти дисциплины имеют свою

специфику, но все они в конечном итоге отвечают на один вопрос: каковы место и роль человека в мире природы и культуры? Чтобы понять, что же такое гендерная антропология в ряду множественных и разнонаправленных антропологических дисциплин, стоит рассмотреть историю институционализации дисциплины.

Антропология как отдельная научная дисциплина появилась в XIX в., в эпоху «промышленного» колониализма, когда потребовалось «научное» объяснение существования *иных* обществ, с иной социальной организацией, иными ценностями и приоритетами. Антропология реализовывалась как позитивистская наука об особенностях социальной организации колонизируемых народов. Поэтому вслед за физической антропологией институционализировалась культурная (или социальная) антропология, являющаяся на сегодняшний день наиболее мощным исследовательским направлением, изучающим человека в локальных сообществах. Институционализация антропологии как научной дисциплины связана с «научной» реализацией идеи эволюционизма, прогрессизма и европоцентризма на историческом и социальном материале колониальных практик европейцев. Поэтому исторически основным методом культурной антропологии являлся сравнительный метод. Сегодня антропологические исследования ведутся с использованием всего общетеоретического багажа социально-гуманитарных наук. Это связано с тем обстоятельством, что результаты научных исследований антропологов востребованы и интегрированы в базовые курсы социологии, философии, психологии, истории и др. науки. Но и сами антропологи активно использовали и опирались в своих исследованиях на теоретические и практические достижения других наук гуманитарного цикла. Так, Н.Н. Козлова, разрабатывая курс по социально-исторической антропологии, указывает, что «антропология активно использует теории, которые разрабатываются в философии, психологии, теоретической социологии» [1, с. 10]. На сегодняшний день можно говорить как об антропологизации социальных наук [2, с. 55; 3, с. 51], так и о междисциплинарности самой антропологии.

Сегодня антропология — структурное объединение разнонаправленных (по исследовательскому вектору) и разноуровневых (по степени легитимации в академической структуре знания) полуавтономных дисциплин, объединенных единым предметным полем — человек в существующем мире природы и культуры. Анализируя это предметное поле, можно указать на существование разных парадигмальных подходов к его анализу. Первый подход осуществляется в рамках культурантропологии на позитивистских основаниях, а второй — в рамках философской антропологии на основе феноменологической методологии.

Философская антропология как отдельная научная дисциплина институционализировалась после второй мировой войны, когда произошла радикальная переоценка этических ценностей в европейской философской и гуманитарной традиции. Кафедры философской антропологии появляются для «научного» обоснования антропоцентризма гуманитар-

ного знания и ответа на вопрос о том, как осуществляется признание человека другими. Социальные изменения военного и послевоенного времени, связанные с вовлечением женщин в массовое производство, вели к пересмотру традиционных теоретических схем о месте женщины в обществе и общественном производстве. Стала понятна идеологическая подоплека философских мыслителей разных школ и концепций от Платона и Аристотеля до Фрейда и Бурдьё, обосновывавших и рационализировавших половую иерархию в обществе, а затем выводивших ее, подкрепленную научным авторитетом, на уровень массового сознания.

Гендерная антропология, как и философская антропология, тоже связана с проблемами антропоцентризма, только понимаемыми как проблемы андроцентризма, а проблемы признания человека рассматриваются через привнесение категории пола в научный анализ. Это ведет к легитимации пола как в социальном пространстве, так и в научном дискурсе.

Разговор о гендерной антропологии следует начинать с разговора о гендерных истоках самой антропологии как самостоятельной научной дисциплины. Дело в том, что развитие гендерной теории напрямую связано с работами профессиональных антропологов, изучавших иные, неевропейские народы и культуры, выделяя различия в понимании социальных ролей мужчин и женщин, их статусов в обществе, в ценностных ориентациях. Именно антропологи были первыми, кто зафиксировал эти культурные различия между полами и указал на их вариативность. Исследования антрополога Маргарет Мид, опубликованной в 30–40-е гг. XX в. работы «Взросление на Самоа» (1928 г.), «Пол и темперамент в трех первобытных обществах» (1935 г.) и «Мужчины и женщины» (1949 г.) стали базовыми кросс-культурными исследованиями, на которые опирались сторонники концепции пола как культурного, социального конструкта. Более того, эти работы о роли полов в разных культурах положили начало исследовательскому интересу к женской проблематике в социальных науках. В конце 60-х г. XX в. в науке появилось понятие «гендер», используемое сначала в антропологии и этнографии, а затем и всеми гуманитарными науками как термин, определяющий «соотношение полов» в культуре. Вслед за М. Мид появились исследования [4; 5], которые показали, что хотя половые различия варьируются в разных странах и культурах, они всегда встроены в систему властных иерархических отношений, являясь частью стратификационного деления в обществе.

Появлению в науке гендерной концепции предшествовало развитие идей и понятий не только в антропологии, но и в психологии, медицине, сексологии. Еще в начале XX в. появились медицинские и психологические исследования, в которых разрабатывались понятия половой принадлежности, изучалась природа половых различий и проблематика корреляции половой принадлежности с психическими характеристиками и отклонениями. Так, Ч. Ломброзо и его ученик Г. Ферреро в

своей книге «Женщина преступница и проститутка», используя биологизаторские критерии (анатомические детали), разводят понятия проститутки, нормальной женщины и нормального мужчины: «В своем описании они мизогинистичны, приводя доводы в пользу того, что анатомия мужчины совершеннее женской» [6, с. 209]. Развитие психиатрии и медицины сконструировало «научную» норму женской сексуальной нормы и патологии. Речь идет об исследованиях Ж.-М. Шарко и Р. Крафт-Эбинга, изучавших женскую истерию и женскую сексуальность как патологию. Логика развития медицинской науки была связана с процессами иерархического структурирования эмансипирующейся женщины, с проблематикой женской сексуальности, разными способами ее нормирования и контроля и с проблематикой идентификации сексуальности как таковой. Последующее развитие таких отраслей медицины и психологии, как биохимическая и физиологическая эндокринология, психобиология и др., позволили поднять и осознать проблему половой принадлежности как проблему идентичности. Но осознание существования четкой обусловленности между понятиями «пол», «сексуальность», «индивидуальность»/ «личность» произошло и происходит (!) благодаря работе Мишеля Фуко «История сексуальности». М. Фуко показал, что сексуальность является одним из элементов властных отношений, с помощью которых разрабатывались и утверждались формы контроля и подчинения населения: «На этой передовой линии власти и обосновываются различные сексуальности, рассредоточенные и прикрепленные к тому или иному возрасту, месту, пристрастию, к тому или иному типу практик. Размножение сексуальностей через расширение власти» [7, с. 149].

В 50-е гг. XX в. становятся известны исследования невропатолога Х. Беньямина, впервые описавшего транссексуализм с научной точки зрения и определившего его как «...патологическое состояние личности, заключающееся в полярном расхождении биологического и гражданского пола, с одной стороны, с полом психическим, с другой стороны» [8, с. 5]. Распространение понимания, что транссексуализм представляет собой стойкое осознание своей принадлежности к противоположному полу, несмотря на соответствие генетического, гормонального и гонадного полов строению вторичных половых признаков, а также введение самого термина в научный оборот способствовали переосмыслению понятия «пол» как однозначно биологического концепта. В начале 60-х гг. XX в. в Америке открылся центр по изучению гендерной идентичности, занимавшийся проблемами транссексуализма. Именно сотрудник этого центра, психоаналитик Роберт Столлер впервые ввел в научный оборот понятие «гендерная идентичность» [9, с. 13]. Его концепция гендерной идентичности строилась на разделении биологического и культурного полов, когда понятие биологического пола (sex) основано на биологических критериях: прежде всего анатомических и физиологических, включая генные и гормональные различия, а под гендером (gender) понимались обусловленные культурой половые различия, которые изучаются в рамках

психологии и социологии. То есть, вслед за Симоной де Бовуар*, предвосхитившей теоретиков социального конструктивизма, мы можем сказать, что становятся не только женщинами, но и мужчинами: иными словами, быть женщиной или мужчиной — это вовсе не означает быть только человеком с определенной мужской или женской анатомией, а означает осознание и интериоризацию всего комплекса социальных норм и структур, существующих в культуре вокруг концепта пола.

Итак, в конце 1960-х — начале 1970-х гг. антропологи, социологи, медики предложили «развести» понятия *sex* и *gender* как понятия биологического пола, для которого в английском языке используется термин «*sex*», и понятие социального пола, для которого было выбрано понятие грамматического рода — «*gender*». Это дихотомическое деление было введено для разграничения биологического пола (*sex*), понимаемого как набор морфологических и физиологических различий, и социального пола (*gender*), понимаемого как совокупность социальных и культурных импликаций. Понятие *gender* стало использоваться для исключения и преодоления биологического детерминизма, выводящего все социокультурные различия, связанные с половой дифференциацией, из биологических и природных факторов. Наиболее стандартизированное теоретическое определение понятия «гендер» было предложено Гейл Рубин: «Система пол/гендер — это набор механизмов, с помощью которых общество преобразует биологическую сексуальность в результаты человеческой деятельности, и в рамках которых эти преобразованные сексуальные потребности встречаются» [4, с. 168].

В нашей стране гендерная терминология и теория появляется в переводных научных публикациях с конца 1980-х гг., а уже в начале 1990-х создаются научные подразделения и центры гендерных исследований. В рамках работы этих центров и их публикаций происходила легитимация термина «гендер» в отечественной науке. И хотя сегодня существуют специализированные издания по гендерным исследованиям, рубрики в научных журналах, специальные гендерные тематические выпуски, не говоря уже о научных центрах и лабораториях, до сих пор продолжают дискуссии по поводу неоднозначности и неблагозвучности калькированного термина «гендер». Представляется, что тут необходимо указать, во-первых, на отсутствие в русском языке удобного и приемлемого эквивалента данному термину, и, во-вторых, на то обстоятельство, что использование данного англоязычного заимствования является категориальным указателем как на иные дискурсивные практики, так и на иные теории, ранее не использовавшиеся в отечественной науке.

Итак, сегодня мы различаем «*sex*» как биологический пол и «*gender*» как социальный пол. Осмысляя концепцию гендера, укажем, что исполь-

*Симона де Бовуар начала второй том своей книги фразой «Женщиной не рождаются, ею становятся». Эта фраза стала лозунгом неофеминисток и известна, наверное, каждому, слышавшему о Симоне де Бовуар.

**Категория грамматического рода отсылает нас к поло-ролевой концепции, и уже поэтому использование слова «род» как нового термина проблематично.

зование данного понятия позволяет анализировать структурные основания социальной организации общества, ее иерархические конструкции и формы, способы символизации и мифологизации, а также позволяет осмысливать позиции теоретиков социополовой проблематики. В рамках традиции философского знания происходила и до сих пор происходит символизация и перенос семантических категорий пола на сугубо социальные феномены. Отождествление мужского рода с энергичными действиями, а женского с пассивным поведением, развивается от античности вплоть до сегодняшних дней. «Многие не связанные с полом феномены (природа и культура, чувственность и рациональность, божественное и земное, духовное и телесное и т.д.) через определенный культурно-символический ряд отождествляются с "мужским" и "женским" таким образом, что внутри этих пар понятий создается своеобразная иерархия» [10, с. 55]. Таким образом, маркировка социальных феноменов через присваивание и называние их «мужскими» или «женскими» выстраивает иерархичные отношения, где все маркируемое как "женское" репрезентируется как незначимое, маргинальное, не заслуживающее внимания, и, в конце концов, — невидимое, а «мужское» — репрезентируется как ценностно-значимое и основное. Иначе говоря, теоретическая бинарная оппозиция мужчина/женщина не только фиксирует базовые различия в культуре и природе, но и посредством научной дискурсивной практики организует бинарное восприятие социального мира, то есть производит нормирование культуры и общества. Таким образом, аналитическая категория «гендер» позволяет не только выявлять социальную подоплеку половых различий и полового неравенства, но анализировать процессы структурирования и создания половых различий, ибо за внешне безоценочными грамматическими категориями стоят мощные культурные напластования, структурированные и структурирующие культурные схемы и смыслы, связанные с понятиями и концептуализацией пола. Не случайно современное развитие постструктуралистской и постмодернистской мысли в самых разных теоретических направлениях (не только в рамках структурализма) привело к пониманию языка как меры познания мира. «Мир познаваем только через языковые формы, значит, наши представления о мире не могут отразить реальность, которая существует за пределами языка; они могут быть соотнесены только с другими языковыми выражениями» [11, с. 25]. Более того, язык фиксирует и нормирует существующую картину мира с точки зрения мужской субъективности, тем самым утверждая и поддерживая существующую иерархию полов. Мужская субъективность в культуре репрезентируется как объективность, как ряд центральных ценностных установок в культуре и обществе, а женская субъективность в культуре представлена как собственно субъективность, как отклонение от нормы: «мужчина» понимается как представитель всего «человечества», призванный говорить от его лица, его миссия понимается как общезначимая, связанная с выполнением основной и важнейшей для цивилизации задачи — поддержания ориентации на познавательный тип отношений к миру —

той ориентации, которая в настоящее время привела к разрыву между абстрактной наукой и сферой ее «конкретного применения» [12, с. 148]. Норма общечеловеческой субъективности сведена к мужской норме, где женское всегда маргинально. Характеристики мужского и женского в культуре разноплановы и разновесны, дихотомично разведены и иерархично структурированы. Ибо общечеловеческая норма понимается как андроцентристская норма.

Андроцентризм современной культуры. Идеи теоретиков гендерного подхода затронули принципиально новую для дисциплин общегуманитарного цикла проблему андроцентризма современной культуры. Речь идет о том, что реальный социальный мир культуры, как и его профессиональная саморефлексия, ориентированы на мужчину. Ибо существующий мир культуры и мир природы (через нарратив) осуществлен от лица мужского субъекта, с точки зрения мужской перспективы, где женское понимается как «другое» и «чужое», а чаще всего вообще игнорируется. Развитие посмодернистских теорий Деррида и Юлии Кристевой способствовали становлению феминистской лингвистики, в рамках которой выделяются следующие признаки андроцентризма:

1. отождествление понятий «человек» и «мужчина» (во многих языках они обозначаются одним словом).

2. языковая норма гендерно не *нейтральна*, иерархична и несет в себе оценочные категории. Более того, мужские языковые формы, используемые как нормы языка, способствуют маргинализации и игнорированию женщин в языковой картине мира.

3. Разделение языка на нормы мужского и женского основано на реальной социальной гендерной асимметрии, отражает ее, а затем закрепляет через языковое воспроизводство [13, с. 40–42].

Феминистская лингвистическая критика вскрывает культурно-языковые конструкторы мужского доминирования в социальной и культурной жизни. Андроцентризм является глобальной тенденцией строить мир, рассчитанный на мужскую норму, в буквальном смысле под «мужскую руку» [13, с. 54]. Исследования К. Маккинон, проанализировавшей существующие в современном обществе социальные институты и институты, показали, что нормы социальной успешности и «нормальности» обусловлены мужской физиологией и интересами: «Мужская физиология определяет большое количество видов спорта; <...> их социально спроектированные биографии определяют требования к рабочим местам и образцы успешного продвижения карьеры; <.,.> их опыт и устремления определяют понятие заслуг; их видение мира определяет искусство» [13, с. 3]. Феминистки указали, что все социальные технологии от практик родовспоможения и нормативной дозы лекарственных средств до практик научного рационального познания сконструированы под мужские нужды, исходя из мужских взглядов и интересов.

В качестве примера стоит привести известный в США скандальный случай с исследованиями сердца, получивший название «Mr. Fit» [14, с. 109]. Речь идет об исследовании и тестировании кардиологических средств,

результаты которого распространялись на все население страны, хотя под наблюдением находились только мужчины. Дело не в том, что исследователи специально, с каким-то умыслом не стали тестировать средство на женщинах, а в том, что им это просто не пришло в голову. Кстати, такое тестирование должно было бы быть проведено исходя не только из теоретических посылок, но и из соображений практической безопасности.

Об андроцентризме современной культуры много говорится в современных феминистских исследованиях, где указывается, что различия между мужчиной и женщиной организованы социально, социальный мир организован таким образом, что все мужское понимается как норма, а все женское — как патология. Это касается всех аспектов жизнедеятельности всех людей: «социальный мир организован таким образом, что перспектива в нем есть только у мужчин, что о нуждах мужчин автоматически заботятся, в то время как специфически женские нужды или рассматриваются как отдельные случаи, или вообще не принимаются во внимание» [13, с. 73].

Андроцентризм современной культуры основан на универсалистском дискурсе европейской науки, презентующей себя гендерно нейтрально и «научно» обосновывающей социальную нейтральность науки и технологии. Маскулинизированная наука и технология основаны на гендерной асимметрии и воспроизводят диспропорциональную практику гендерной репрезентации в обществе. Более того, в индустриально развитых странах, где наука и технология имеют высокий статус и поддерживаются государственной политикой, а значит, обладают финансовыми, властными и иными ресурсами, позиции женщин в науке слабее (их просто меньше на всех уровнях, и прежде всего на властном уровне), чем в менее развитых странах, где наука и технология имеют более слабые позиции в обществе.

Американский психолог Сандра Бем [13, с. 76], предложившая концепцию психологической андрогинии*, указала на три фундаментальных основания функционирования и преодоления андроцентризма:

1) Различия между мужчинами и женщинами определены биологией, но детерминированы социумом: «сочетание власти социальных структур, поставивших во главу угла мужчину, с биологией, которое естественно и автоматически дает преимущество мужчинам и ущемляет интересы женщин».

2) Андроцентрические институты социума трансформируют различия между мужчинами и женщинами в дискриминационные практики.

3) Преодоление дискриминационных практик возможно через создание институциональных условий, подталкивающих людей к изменению стандартов поведения [13, с. 76].

Таким образом, инструментарий и методология гендерной теории в приложении к антропологическим исследованиям позволяет не только

* Андрогиния — важная психологическая характеристика человека, определяющая его способность менять свое поведение в зависимости от ситуации [15, с. 168].

фиксировать социальные различия между мужчинами и женщинами в разных сообществах, но и влиять на реалии социальной жизни. Ибо, как указывают отечественные феминистки, «центрация онтологии человека на бытии мужчины приобретает признаки архаизма» [9, с. 47].

Гендер как социальный конструкт. Концепция социально конструируемого гендера, предложенная Кэндест Уэст и Дон Зиммерман [16, с. 94–124], базируется на теории П. Бергера и Т. Лукмана [17], в основе которой лежит понимание того, что социальная реальность одновременно и субъективна, и объективна, она создается в ходе социального взаимодействия. Социальная реальность объективна, ибо существует независимо от индивида, но она же и субъективна, ибо постоянно создается, поддерживается и воспроизводится индивидом в ходе социального взаимодействия, либо в ходе ожидания социального взаимодействия.

К. Уэст и Д. Зиммерман предложили следующее понимание гендера: «Гендер "создается" мужчинами и женщинами, чья компетентность как членов общества является залогом их деятельности по созданию гендера» [16, с. 95]. При этом они указали, что в традиционных обществах пол понимается как заданная биологическими критериями социально одобренная и принятая определенность. Социально принятая определенность пола выражается через принятые и одобренные социумом категории признака пола (соответствующая полу одежда, поведение, голос, движения и т.д.). Гендер же является продуктом особого рода социального делания (создания) в ходе социального взаимодействия. Каждый конструирует собственную гендерную принадлежность, и точно так же каждый мгновенно «прочитывает» гендерную принадлежность другого. Понятия *гендерный дисплей* (гендерное проявление) и *гендерная роль* прекрасно отражают поведенческие аспекты ожиданий и интерпретаций, связанных с непременным разделением на мужское и женское. К. Уэст и Д. Зиммерман указали, что более адекватными при рассмотрении гендера как постоянной деятельности в ходе обыденного взаимодействия являются понятия «пол», «категория пола», «гендер».

«Пол». Понятие пола обусловлено социально принятыми биологическими критериями: наша культура различает только два пола, тогда как антропологам известны культуры, различающие большее количество полов.

«Категоризация по признаку пола». В практике повседневного общения абсолютно все во внешности, поведении и т.д. направлено на маркировку и атрибуцию с конкретным полом. Как указывают исследователи, в основе коммуникативного доверия лежит потребность идентификации партнера по взаимодействию [16, с. 57].

«Гендер». Гендер конструируют, создают индивиды, но он проявляется исключительно в ходе социального взаимодействия. Создание (конструирование) гендера состоит в управлении ситуациями таким образом, что поведение рассматривается как гендерно соответствующее или намеренно несоответствующее.

Продолжая предложенную К. Уэст и Д. Зиммерман классификацию, отечественные исследовательницы Е. Здравомыслова, А. Темкина и И. Тартаковская разработали понятия «гендерная система» и «гендерный контракт».

«Гендерная система» — существующая в социуме система социального взаимодействия по поводу гендерного поведения и гендерной идентификации; представляет собой многоуровневый феномен, объединяющий набор социальных, институциональных и символических практик, с помощью которых мужчины и женщины разделяются по признаку пола и оказываются в асимметричном положении в отношении друг друга*. Система гендерного взаимодействия подвижна как ситуационно, так и исторически: так как «гендер — не та "вещь", которая вечно присутствует в одной и той же исторической форме в каждой ситуации. Из-за того, что нормативные представления об аттитюдах и действиях, соответствующих категории принадлежности по полу, различаются в разных культурах и в разное историческое время, регулирование ситуативного управления в свете этих экспектаций может приобретать самые различные формы» [18, с. 99].

«Гендерный контракт» — доминирующий тип гендерных отношений, как практически, так и символически репрезентируемый на каждом этапе развития гендерной системы [19, с. 87].

Изменения в системе гендерного взаимодействия начинаются с изменений в конструировании гендера и в появлении новых типов гендерных контрактов. Поскольку гендерная идентичность является практически первой и основной (базовой) Из осознаваемых/конструируемых индивидом идентичностей, она воспринимается как «естественная», бытийная. Современные исследования выделяют две первичных идентичности, осознаваемых ребенком: гендерная идентичность и идентичность ребенка. При этом идентичность ребенка зачастую носит негативный, дискредитирующий характер в сравнении с идентичностью взрослого [16, с. 113]. Поэтому изменения в маркировке гендерной идентичности, а тем более неопределенности в атрибуции гендера настолько невыносимы, что общество и сегодня относится крайне нетерпимо к подобным проявлениям. В качестве широко известного литературного примера можно указать на тургеневскую Кукшину («Отцы и дети»). Эта героиня демонстрировала принципиально новый тип поведения в обществе, который прочитывался как неженский [20]. В середине XIX в. гендерная идентичность так называемых «новых» женщин была проблематичной, так как они конструировали свой гендер иначе, чем было принято; из-за этого возникали проблемы с интерпретацией гендерного дисплея этих женщин: «Все в ее облике противоречило привычной гендерной идентификации интеллигентно образованной женщины» [21, с. 181].

Эпистемологические пределы концепции гендера. Концепция разделения пола и гендера прекрасно работала в рамках социальных наук вплоть

*Формулировка предложена И. Тартаковской.

до начала 1980-х, когда стала понятна эпистемологическая ограниченность дихотомического деления и противопоставления пол/гендер. «О том, что понятия "природа", "биологический пол", "женское тело", "сексуальность" так же социально сконструированы, как и понятия "культура", "социальный пол", "общество", тогда еще не задумывались. Было удобно объяснять подчиненный статус женщины влиянием патриархата, империализма, капитализма, расизма, истории и языка» [16, с. 15].

Само разведение понятий «пол» и «гендер» помимо теоретических нужд научного анализа было востребовано социальной практикой женских движений в качестве основного аргумента против биологического детерминизма. Но постепенно, по мере накопления знаний о сложности соотношения биологических и культурных процессов, происходило понимание ограниченности предложенной методологии. Так, создатели теории социального конструирования гендера Кендест Уэст и Дон Зиммерман описывали эту ситуацию следующим образом: «Сначала был пол и был гендер. Те из нас, кто преподавал эту тематику в конце 60-х — начале 70-х годов, четко отделяли одно от другого. Мы говорили, что пол — это то, что приписано нам биологически, т.е. это анатомия, гормоны и физиология. В отличие от пола, гендер — учили мы — это достигаемый статус. Он конструируется психологическими, культурными и социальными средствами. Чтобы провести различия между ними, мы приводили результаты исследований отдельных случаев гермафродитов и антропологические исследования "странных и экзотических племен".

С неизбежностью (что вполне понятно) в результате этого наши студенты начали путаться. Трудно было утверждать, что пол является данностью в контексте исследований, которые иллюстрируют двусмысленность и противоречивость критериев для его обозначения... Примерно с 1975 года понятийная путаница стала усиливаться и вышла за пределы наших аудиторий» [16, с. 94–95].

Пониманию ограниченности самой гендерной теории, усилению понятийной путаницы также способствовала ставшая на сегодняшний день уже классической работа Гейл Рубин «Обмен женщинами: заметки по политэкономии пола». В этой работе, используя идеи обмена дарами М. Мосса, логику установления родственных связей К. Леви-Стросса, а также идеи К. Маркса и З. Фрейда, Г. Рубин утверждает, что сексуальность есть продукт человеческой деятельности, которая преобразует биологическую сексуальность в социальный конструкт. Опираясь на исследования К. Леви-Стросса о структурах родства и используя марксистскую методологию, Гейл Рубин указала, что обмен женщинами между племенами в первобытных сообществах являлся способом упорядочивания и установления мира: «брак является наиглавнейшей первобытной формой обмена подарками, а наиболее ценным даром является женщина» [4, с. 103]. Таким образом, женщина становится «предметом сделки», а не партнером, партнерские же отношения устанавливаются исключительно между мужчинами. Половая дихотомия общества служит прежде всего для социального разделения, связанного с разными возможностя-

ми для концентрации материальной и символической власти в руках мужчин. Более того, разделение труда по признаку пола совсем не является естественным следствием биологического разделения полов, оно необходимо для функционирования гетеросексуальных союзов, закрепленных браком. Гетеросексуальность сконструирована культурно и направлена на поддержание гендерной асимметрии. Идеи Г. Рубин о гетеросексуальности как культурном конструкте были развиты А. Рич, которая, используя универсальное положение о табуировании гомосексуальных связей между взрослыми мужчинами или женщинами, вводит понятие «принудительной гетеросексуальности». Исследуя примеры из малоизвестной истории гомосексуальных женских союзов, А. Рич указывает, что подчиненное положение женщины имеет целью «нормирование» ее сексуальности для регуляции репродукции в обществе.

Развивая концепцию гендера, Джудит Лорбер указывает, что пол является социальной категорией, имеющий комплексный характер. Понятие гендера не монолитно, оно состоит из многих компонентов, которые связаны друг с другом. Дж. Лорбер выделяет следующие компоненты:

пол (sex) как биологическая категория — непосредственно данное сочетание генов и гениталий, дородовой, подростковый и взрослый гормональный набор; способность к прокреации (как предполагается, конгруэнтной с вышеназванными свойствами и с предназначением принадлежности к полу как биологической категории);

пол (sex) как социальная категория — предназначение от рождения, основанное на типе гениталий;

половая (sex-gender) идентичность — осознание себя как представителя данного пола, ощущение своего женского или мужского тела, осознание своей принадлежности к полу в социальном контексте;

пол (gender) как процесс — обучение, научение, принятие роли, овладение поведенческими действиями, уже усвоенными в качестве соответствующих (или несоответствующих — в случае бунта или неприятия) определенному гендерному статусу, «осознание пола как социальной категории» человеком, принадлежащим к данному полу как к биологической категории;

пол (gender) как статус и структура — гендерный статус индивида как часть общественной структуры предписанных отношений между полами, особенно структуры господства и подчинения, а также разделения домашнего и оплачиваемого труда по гендерному признаку» [15, с. 19].

Выделив эти компоненты в понятии гендер, Дж. Лорбер указывает, что при любых исследованиях пола необходимо определять, какие именно из его компонентов исследуются. Помимо указанного комплексного характера понятия гендер Дж. Лорбер указывает на переплетение гендерной, расовой и классовой принадлежности, образующих основные структуры социальной стратификации, а, значит, и структуры распределения власти, престижа, собственности, доступа к ресурсам.

Кроме того, ряд представительниц культурного феминизма, таких, как Донна Харауэй, Джудит Батлер и др. указывают на противоречивый ха-

рактер гендерных категорий, на разрыв между «сексуализированными телами и культурно сконструированными гендерами» [9, с. 22]. Они указывают на неподдающийся фиксации, изменчивый и текучий характер категории гендера.

Таким образом, концептуальное разведение понятий «пол/гендер» способствовало пониманию социальной составляющей этих понятий, уходу от одномерного биологического эссенциализма, сводящего «феномен пола до уровня половых практик, уровня сексуальности» [22; 23, с. 39], но в то же время разведение этих понятий способствует закреплению дихотомии мужского и женского, «не замечает» существования иных гендеров/или типов сексуальности, закрепляя их маргинализацию. Не случайно ряд отечественных исследовательниц говорит о «феминистском проекте антропологии» и о «феминистской антропологии» [24, с. 385; 25].

Гендерная антропология и гендерные исследования. Необходимо указать на особую социокультурную ситуацию 60-х гг. XX в. — ситуацию «второй волны» феминистского движения, подготовленную целым рядом научных и публицистических проектов, выполненных женщинами-исследовательницами в Америке и Европе. Речь идет об уже указанных работах американского антрополога Маргарет Мид, об исследованиях американского историка Мери Бирд, автора книг «Америка и женщина глазами женщин» (1933 г.) и «Женщина как сила в истории» (1946 г.). Кстати, именно Мери Бирд ввела в научный оборот понятие «women's studies» как учебную и научную дисциплину.

Почти в то же время (в 1949 г.) появились книга французского философа Симоны де Бовуар «Второй пол» и работы английской писательницы Вирджинии Вулф «Своя комната» (1929 г.), оказавшие огромное влияние на становление и развитие феминистского самосознания и феминистских исследований. Фундаментальная книга доктора философии Симоны де Бовуар является антропологическим исследованием современной европейской культуры, обобщившим материал по физиологии, психологии, истории и мифологии женщины.

Развитие и институционализация междисциплинарного направления науки — гендерных исследований, и гендерной антропологии, является важнейшим достижением феминизма XX в. Понятие «феминизм» в нашей стране изрядно дискредитировано как идеологами КПСС, так общим патриархатным дискурсом отечественной культуры. Под феминизмом, в самом общем виде, понимают теории, концептуализирующие и анализирующие половое различие в обществе. Феминистские теории как теоретические концепции нацелены на критику и объяснение механизмов и условий подчиненного положения женщин в обществе, основными теоретическими посылками для феминистских теорий являлся постулат о половых различиях и теориях патриархата. Принято выделять три волны феминистских движений:

I волна феминизма (начало XX в.) — эгалитарный феминизм или суфражизм.

II волна феминизма (60–70-е гг. XX в.) — этап феминистской автономии, когда акцент был сделан на биологических, психологических и иных особенностях женщин.

III волна феминизма (80–90-е гг. XX в.) — этап постколониального или черного (цветного) феминизма. Сделан акцент на различиях между женщинами разных рас, национальностей, культур, возрастов, социальных положений. Указывалось, что нет гендера — есть гендеры. Вместо гендерной дихотомии, основанной на биологической дихотомии, был предложен мультикультурный и мультипарадигмальный подход. Конечно, это разделение в достаточной мере условно, но именно такую периодизацию принято использовать.

Итак, на сегодняшний день, по мнению Джутит Лорбер, не стоит говорить о существовании двух гендеров — мужского и женского, так как гендерная идентичность детерминирована многими факторами: сексуальностью, этничностью, расовой, классовой, возрастной и иными стратификационными принадлежностями. Дж. Лорбер насчитывает по крайней мере семнадцать гендерных идентичностей в современном обществе. Говоря о перспективах гендерной антропологии, следует учитывать современный этап развития гендерной теории, когда исследуется не только социальный, но и символический уровень гендерной теории [22, с. 70–71]. Ибо гендер «не только социально и культурно сконструирован, гендер — символически сконструирован» [9, с. 40]. Укажем также на двойной характер символизации гендера — с одной стороны, гендерная символизация всего лишь отражает существующую в реальности социальную иерархию полов, а с другой — этот символизм постоянно воспроизводится, в том числе и в научном дискурсе.

Главная заслуга и задача гендерной антропологии и шире, гендерных исследований, состоит в разработке научного инструментария для анализа и фиксации различий и иерархий бытия женщины и мужчины в современном мире. Кроме того, в рамках гендерных исследований возможна разработка изменений (!) социальных практик бытия и преодоления андроцентризма современного мира.

Литература

1. Козлова Н.Н. Социально-историческая антропология. М.: Ключ-С, 1998.
2. Шутова О.М. Устная и гендерная история в свете антропологизации историографии // Женщины в истории: возможность быть увиденными / Под ред. И.Р. Чикаловой. Минск: БГПУ им. Максима Танка, 2001.
3. Носков В.В. История и «гендерная история» // Гендерная история: pro et contra. СПб.: Нестор, 2000.
4. Рубин Г. Обмен женщинами: заметки по политэкономии пола // Антология гендерной теории. Сб. пер. / Сост. и комментарии Е.И. Гаповой и А.Р. Усмановой. Минск, 2000.
5. Дворкин А. Гиноцид или китайское бинтование ног // Антология гендерной теории. Сб. пер. / Сост. и комментарии Е.И. Гаповой и А.Р. Усмановой. Минск, 2000.
6. Михель Д. «Ужасные» отражения материнского тела: примеры гендерных политик на Западе в современную эпоху // Гендерные исследования. 2000. № 4.

7. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Касталь, 1996.
8. Миланов Н.О., Адалян Р.Т., Козлов Г.И. Коррекция пола при транссексуализме. М.: Калинин и К, 1999.
9. Пол женщины. Сб. статей по гендерным исследованиям. Алматы: Мальвина, 2000.
10. Воронина О., Клименкова Т. Гендер и культура // Феминизм и гендерные исследования. Хрестоматия / Под ред. В.И. Успенской. Тверь: Тверской центр истории и гендерных исследований, 1999.
11. Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. М.: Институт социологии РАН, 1999.
12. Клименкова Т. А. Философские проблемы неофеминизма 70-х годов // Вопросы философии. 1988. № 2.
13. Бем С. Трансформация дебатов о половом неравенстве. // Феминизм и гендерные исследования. Хрестоматия / Под ред. В.И. Успенской. Тверь: Тверской центр истории и гендерных исследований, 1999.
14. Малышева М. Политика финансирования науки в зеркале гендерной асимметрии // Гендерные исследования. Харьков: Харьковский центр гендерных исследований. 1999. № 2.
15. Феминизм и гендерные исследования. Хрестоматия / Под ред. В.И. Успенской. Тверь: Тверской центр истории и гендерных исследований, 1999.
16. Уэст К., Зиммерман Д. Создание гендера // Гендерные тетради. Вып.1. СПб., 1997.
17. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995.
18. Здравомыслова Е., Темкина А. Социальное конструирование гендера как феминистская теория // Женщина. Гендер. Культура. М.: МЦГИ, 1999.
19. Здравомыслова Е., Темкина А. Социальная конструкция гендера и гендерная система в России // Феминизм и гендерные исследования. Хрестоматия / Под общ. ред. В.И. Успенской. Тверь: Тверской центр истории и гендерных исследований, 1999.
20. Таратута Е. Ирония и скепсис в изображении женщин-эмансипэ: на примере сочинений И.С.Тургенева // Потолок пола: Сб. научных и публицистических статей / Под ред. Т. Барчуновой. Новосибирск, 1998.
21. Рабжаева М. Женская эмансипация как опыт конструирования гендера // Гендерные исследования. 2000. № 5.
22. Батлер Дж. Феминизм под любым другим именем // Гендерные исследования. 1999. № 2.
23. Ушакин С. Поле пола // Женщина. Гендер. Культура. М.: МЦГИ, 1999.
24. Гапова Е. Гендерная проблематика в антропологии // Введение в гендерные исследования. Ч. I. / Под ред. И.А. Жеребкиной. Харьков, СПб.: ХЦГИ; Изд-во «Алетейя», 2001.
25. Ярская-Смирнова Е. Одежда для Адама и Евы. Саратов, 2001.